

68.51(2Р-ЧТМ)

Т 84

БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

*Герой
социалистического
труда*

В. А. ДЕГТЯРЕВ

ВОЕНИЗДАТ—1941

35616 (с 732)
Т 84

БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

З. ТУНИЦКИЙ

ГЕРОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
В. А. ДЕГТЯРЕВ

У. ч. з.

75066

Читальный зал
Тульской обл.
Библиотеки
им. ЛЕНИНА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

МОСКВА — 1941

356 + 925

3. Туницкий. Герой социалистического труда В. А. Дегтярев.

В книге дан очерк жизни и деятельности знатного советского изобретателя-оружейника, конструктора пулеметов, широко известного не только в нашей стране, но и за рубежом—Василия Алексеевича Дегтярева.

I

Разве только в злую насмешку можно было назвать эту улицу Нижне-Миллионной. По всей длине ее были разбросаны убогие деревянные домики с крошечными палисадниками. Невылазная грязь весной и осенью делала ее непроходимой, подобно другим улицам Заречья, носящим и теперь еще воинственные названия вроде Штыковой, Замоной, Ложевой, Курковой, Ствольной. И если происхождение этих названий известно,—здесь жили некогда артели крепостных мастеров, получавшие на дом от завода урок на изготовление ружейных частей,—то название Нижне-Миллионной улицы не имело никакого объяснения. Миллионеров среди тульских мастеровых, населявших эту улицу, конечно, никогда не было.

В одном из дворов Нижне-Миллионной более полусотни лет назад можно было видеть по вечерам семидесятилетнего старика, возившегося в сарае у небольшого горна. Возле него вертелся крохотный мальчуган, с вожделием глядевший на работу деда. Когда угли разгорались, в них закапывался брусочек стали и в горн вставлялось сопло ручного меха. Наступала минута, которой с нетерпением ждал мальчик. Дед говорил:

— Ну-ка, Вася, дуй...

Польщенный доверием, сияющий от счастья ребенок старательно нажимал рукоятки меха. Столбик искр уносился

кверху. Они взлетали, сплетаясь огненными линиями, угасавшими где-то высоко под потолком. Отблеск раскаленных углей румянил личико мальчугана, оранжевые блики бродили вокруг, наполняя сарай причудливо играющими тенями. Из мягкой, теплой полутьмы вдруг выплывали, как бы приближаясь и теснее обступая маленький горн, то угол верстака с разложенным инструментом и тисками, то большое деревянное колесо старинного токарного станка с ножным приводом или вдруг обнажалась металлическая рухлядь, заполнявшая углы мастерской.

Это были любимые минуты. Дед рассказывал о старых ружейных мастерах — Давыдове, Вяткине, Голтякове, чья слава передавалась из рода в род; или принимался объяснять мальчику разницу между штуцером и берданкой. Вася многого не понимал, но боялся проронить слово, не смея нарушить очарование, создаваемое тихим голосом дедушки, шипением воздуха, струившегося из тонкого сопла куда-то внутрь бушующего пламени. Забывая обо всем на свете, он входил в азарт, все чаще и чаще, изо всех своих ребячьих силенок, вздымая створки меха. Угли становились из красных желтыми, потом начинали сверкать нестерпимым для глаз белым блеском. Дед Николай ласково говорил:

— Пстой, пстой, сожжешь, ведь...

Он брал клещи и извлекал из горна огненный стальной брусок. На раскаленной поверхности металла вспыхивали и гасли крошечные белые звездочки. Дед нес его по сараю, и большой темный силуэт метался по стенам, пока брусок с треском и шипением не опускался в ведро с водой. Совершалось таинство закалки. Из воды появлялся синевато-черный кусок стали, изрезанный причудливыми рисунками. Это была готовая матрица для штамповки самоварных поддувал.

Потом дед становился к верстаку, брал в руки напильник, и, пока напильник визжал, въедаясь в сталь, маль-

чик, пристроившись на полу, строгал деревяжку, стараясь скопировать работу деда. Иногда он получал в руки заманчивый инструмент — лучковую дрель. Приставив сверло к дощечке, малыш важно водил луком взад и вперед. Тетива вращала сверло, из-под него ползла ленивая стружка.

Неплохо было посидеть и возле отца, когда он запускал токарный станок. Быстро вертелось подгоняемое ногой большое колесо, резец мягко погружался в серебристый или желтый металл. Медные, томпаковые, а иногда и мельхиоровые стружки падали вниз змеистыми гирляндами. Груда бесформенных отливок, завезенных на телеге во двор, превращалась в изящные конфорки, тазики. Потом все это увозили обратно на фабрику, где делались сияющие самовары.

Кроме фабрики, для которой работали дома по вечерам, был еще завод. Туда ходили утром. Дедушка, несмотря на свои семьдесят лет, бодро шагал по улицам. Отец, хотя и был лет на тридцать помоложе, не поспевал за дедом. Он шел медленно, по дороге раза три останавливался, чтобы отдохнуть. Алексей Николаевич Дегтярев был больным человеком, страдал одышкой и работа доводила его до изнеможения. Василий запомнил на всю жизнь измученное, серое лицо отца, когда он, бывало, под вечер тащился с завода домой.

Семья, где 3 января 1880 года родился Василий Дегтярев, была семьей потомственных оружейников, наследников старинных кузнецов, ковавших оружие еще до того, как указом Петра Первого велено было основать в Туле первый русский оружейный завод.

С тех пор, на протяжении более двух веков, тульское оружие стало неизменным спутником побед русского народа. Предки Дегтяревых делали первые фузеи (ружья) из отечественного железа и только что появившиеся багинеты (штыки) для армии, разбившей шведов под Полтавой. С тульским оружием в руках русский солдат разгромил

«великую армию» Наполеона. И в наши годы тульская винтовка продолжает верно служить народу социалистического государства. Потому так почетно в народе звание туляков, чье искусство породило красивую легенду о том, как русские кузнецы «аглицкую блоху на подковы подковали».

Если пройти заводским двором мимо монументальной статуи Петра Первого в основанную им «кунсткамеру», можно увидеть прекрасные образцы филигранной, художественной слесарной работы. В богатейших коллекциях музея имеются ружья со стволами из ленточного витого дамаска; ружья, отделанные слоновой костью и тонкой резьбой; микроскопические действующие пистолеты; здесь и метка на столбе, показывающая саженный рост Петра Первого, и внушительная чугунная ладонь, отлитая в форму, сохранившую отпечаток его руки. Ценное собрание оружия, которое Петр приказал «не переливать и не портить, а сдавать, как курьез, в цейхгаузы для хранения», доведено до наших дней и повествует о замечательной истории города и его жителей.

Каждый дом Заречья хранит живые традиции старых тульских мастеров. В этих традициях с ранних лет воспитываются ребяташки. Вместе с первыми впечатлениями детства они перенимают от отцов и дедов любовь к оружейному делу, к слесарному искусству.

Таким рос и Василий Дегтярев.

* * *

Медленно текла жизнь в Туле. Здесь по-своему отражались события, совершавшиеся где-то в далеком мире. Происходили войны, рушились государства, империалисты заканчивали раздел колоний. Инженеры во всех странах трудились над усовершенствованием оружия. Уже заступал первый пулемет, изобретенный в 1883—84 годах американцем Хирамом Максимом. И только царская Россия топталась на месте.

Тяжелые противоречия дореволюционной русской действительности сказывались и в оружейном деле. Обильная талантами страна жила в темноте и угнетении. Бездарные чиновники затирали малейшее проявление инициативы и творчества людей из народа. Вот почему русские заводы, имевшие прекрасных прославленных мастеров, вырабатывали оружие заграничных конструкций, покупаемых за дорогую цену у иностранных фирм. Своих конструкторов не было, изобретателей не замечали, слепо преклоняясь перед границей.

Доблестный русский солдат снабжался в те годы слабой боевой техникой. Дедушка Василия Дегтярева, Николай, помнил, как делались на заводе первые «винтовальные ружья», как после неудачной Крымской войны с большим опозданием против Запада начали спешно заменять гладкоствольное оружие винтовками. И дед, и отец Василия были живыми свидетелями эпохи, которую военный министр Милютин называл «нашей несчастной ружейной драмой». В течение тридцати пяти лет Тульский завод не успевал осваивать производство ружей,— так часто менялись их системы.

В восьмидесятых годах в Туле изготовлялась седьмая по счету однозарядная винтовка Бердана № 2. Но вскоре она тоже устарела. Франция ввела уже магазинную винтовку Лебеля; за Францией торопливо перевооружались другие страны.

Отец Василия, Алексей Николаевич Дегтярев, работал на сборке берданок, когда восьмилетнего мальчика после смерти дедушки в первый раз повели в приходское училище при церкви Пречистой на Хопре. Ученье стоило немало по тому времени — целковый в месяц, но в роду оружейников неграмотных не было, и рубль выкраивался, несмотря ни на что, из копеечного бюджета семьи. Приходское училище было единственным учебным заведением, первым и последним в жизни Василия Дегтярева. Он

проучился только три года. Дальше эту роскошь позволить себе нельзя было.

— Грамоте понимаешь, и ладно,— как-то сказал отец.— Не баре. Пора определяться к делу...

Слегка робея, Василий переступил вместе с отцом заводские ворота. Старенький мастер Василий Иванович Зубов оказался добрым и совсем не страшным. Он с лаской встретил нового ученика и показал, как заправлять в «шарманку» пятьдесят штук ружейных пружин, как «заводить» эту шарманку и оставлять пружины на ночь согнутыми пополам, чтобы завтра проверить, какая из них останется целой, а какая сломается. Работа была нетрудной, и мальчик ее скоро усвоил. Но обидно было, приходя по утрам на завод, видеть, что из полусотни пружин, оставленных «в неволе», уцелела лишь одна или две. Одиннадцатилетний Василий Дегтярев, разумеется, не понимал, что все это — от недостатков термической обработки.

Он поступил на завод в 1891 году, как раз тогда, когда была создана, наконец, первая русская магазинная винтовка. Изобретатель этой славной винтовки, тульский инженер Сергей Иванович Мосин, был горячим патриотом своей страны. Ценой больших трудов он достиг того, что сумел превзойти все иностранные системы и дал простую, надежную конструкцию, с честью выдержавшую полувековое испытание.

Но и при создании этой винтовки царские чиновники хитрили и уплатили щедрую дань за границе. С. И. Мосин был награжден за свое замечательное изобретение тридцатью тысячами рублей, а бельгийский инженер Наган, у которого заимствовали лишь некоторые детали для винтовки, получил двести тысяч... Между тем винтовка Мосина не имела равных. В последующие годы почти все страны не раз должны были менять и улучшать свои винтовки, и только русская, модернизированная в последние годы, трехлинейная винтовка образца 1891 года до сих

пор честно служит нашему народу, находясь на вооружении Красной Армии.

Мосина можно считать, пожалуй, единственным русским оружейником девятнадцатого века, которому удалось достичь успеха. В старых архивах недавно обнаружена печальная повесть об оружейном мастере Двоглазове, который еще в 1887 году изобрел автоматическую винтовку. Есть сведения, что эта винтовка была изготовлена и даже испытывалась. Но в те самые годы, когда изобретателя пулемета американца Максима осыпали почестями и золотом, русский мастер на свое предложение получил от военных властей глупый и высокомерный ответ, что «подобные изыскания и опыты беспредметны». Так гибли народные таланты, лишенные поддержки и внимания. И лишь пожелтевшие страницы официальных протоколов напоминают о тяжелой драме одиночек-изобретателей, удушенных бюрократической машиной царизма...

Много тысяч ружейных пружин прошло через руки маленького контролера, пока их качество, постепенно повышаясь, не достигло нужного уровня. Впитавший с детских лет любовь к оружейным изделиям, знавший цену вложенному в них труду, Василий Дегтярев радовался, видя, что из полусотни пружин лопаются теперь не более двух штук, а иногда и все остаются целыми. Не тогда ли он впервые стал задумываться над свойствами ружейной стали, над ее тонким и капризным естеством, которое, казалось, так трудно постигнуть, а еще труднее подчинить себе. Во всяком случае, даже монотонная, длившаяся годами работа контролера пружин давала богатую пищу воображению подростка, будила его пытливость. Он казался не по летам серьезным. Несмотря на невысокий рост, он выглядел старше своего возраста, но это не лишало его живости и непосредственности. Василий был всегда в движении, что-то обдумывал, мастерил. Все казалось ему возможным и доступным, следует лишь хорошенько и ~~то, настоящему~~

взяться за дело. Смелость, самостоятельность и решимость проявлялись во всем, что он затевал.

С десяти лет Василий Дегтярев уже пробовал свои силы у тисков, помогал отцу у токарного станка. Станок вращался медленно. Надоедали и утомляли бесконечные движения ног. Сообразительный мальчик решил, что эту нудную, тяжелую работу должен выполнять ветер.

В лавке среди железного хлама он разыскал и купил два куска водопроводной трубы. Тонкая труба стала осью машины, а толстая, пропущенная сквозь крышу сарая, служила втулкой. Как описать чувства, наполнившие сердце юного изобретателя, и отчаянную зависть всех мальчишек Нижне-Миллионной улицы, когда на сарае завертелись четыре деревянных крыла!

Ветряк действительно работал хорошо, поворачивался по ветру, как полагалось. Переводя ремень, можно было по желанию пускать и останавливать станок. Ножной привод отслужил свой век. Работать стало легко.

Соседи и знакомые восхищались ветряком; отец гордо показывал своим товарищам удачную выдумку сына, а Василием уже завладела новая идея. Когда сверстники звали на улицу поиграть, он только махал рукой и уходил в сарай к тискам. Разметив тонкий железный диск, он выпиливал напильником зубья, терпеливо и старательно сооружая какую-то шестерню. Работа казалась невероятно трудной. Но он упрямо пилил, выполняя вручную то, что полагалось делать на фрезерном станке. Потом видели, как он возился с какими-то колесами, примерял цепь, вытачивал на станке оси. Вскоре выяснилось, в чем дело. Василию повстречался на улице английский велосипед, и мысль об этой машине не давала ему покоя. Нынче нам показалось бы чудным и неуклюжим это комичное старомодное сооружение с двумя колесами — большим и маленьким — и нелепым высоким рулем. Но тогда это было последним словом техники. На Дегтярева велосипед произвел неотразимое впечатление.

Он, правда, не успел его толком разглядеть. Но это его не смущало. Он готов был наново выдумать все части и соорудить их по-своему. Вместо двух колес он решил сделать три. Его велосипед имел железные ободья, так как резиновые шины неоткуда было взять. Колеса отчаянно гремели, во время «эксплоатации» вся машина лязгала и стучала так, что ее слышно было издалека. Любой, даже самый скромный подъем или канавка были для нее серьезным препятствием. Надо прямо признать, что она не годилась для езды по пересеченной местности. И все же это был велосипед! Всякий мог легко в этом убедиться, прокатившись по гладкому пространству двора.

Но помимо интереса к машинам у юного слесаря было еще одно увлечение, сохранившееся до сих пор, ставшее неотъемлемой частью его натуры. Василий Дегтярев с детства любил природу. Свои лучшие часы он проводил в пригородном селе Чулкове, где у родственников был сад. Он подолгу возился на грядках, помогал разводить рассаду и возвращался домой нагруженный семенами и цветами.

Дегтяревы не имели своего дома. Жилье на Нижне-Миллионной улице снимали, как тогда в Туле практиковалось, на двенадцать лет вперед. Хозяин разрешил Василию развести небольшой садик, разбить клумбы. Теперь он мог наслаждаться сколько угодно любимым делом и с ранней весны до поздней осени копался в саду, носил воду, сооружал теплицы. В один прекрасный день новая идея блеснула в голове мальчика. Он сделает фонтан. Такой же, как на главной площади города, но не для того, чтобы без пользы разбрызгивать воду, а для поливки цветов. Опять началась «строительная пора» на дворе у Дегтяревых. На сарай водрузили боченок. Две трубы шли под землей к середине клумбы. Бассейн был сделан из дерева. Вода, вылившись из фонтана, возвращалась по трубе обратно в сарай, а потом подносилась ведрами на крышу. Но это показалось чересчур утомительным, и Василий соорудил де-

ревянный насос, подымавший воду наверх. Теперь все было отлично. Фонтан бил сильной струей, на нее пускался небольшой гуттаперчевый мячик. Он прыгал и дрожал в воздухе, разбрасывая воду бриллиантовыми каплями, сверкавшими на солнце всеми красками радуги.

В этих занятиях проходили годы юности.

Василию было восемнадцать лет, когда умер отец, и он, как старший в доме, должен был содержать всю семью. Заработок его достиг двадцати пяти рублей в месяц; но этого, конечно, не хватало для пятерых братьев и сестры с матерью.

Уже пошел десятый год работы на заводе, а Василий все еще состоял при пружинах. Ему достаточно приелось это занятие, но другого пока не предвиделось и неизвестно, сколько лет еще пришлось бы браковать пружины, если бы не подошел срок призыва в солдаты.

С горем провожала семья своего кормильца. На заводе оказали «уважение» сыну и внуку старых ружейных мастеров. Вместо Василия поставили в мастерскую безработного брата.

Наступил день расставанья. Тоскливо напевала гармонь, выводя нехитрую мелодию «страданья». Плакали женщины. Толпы плохо одетых юношей толкались с сундучками на перроне. Ударил колокол. В полуоткрытую дверь теплушки Василий увидел, как качнулось и поплыло назад здание вокзала.

До той поры он еще никогда не выезжал из Тулы. Началось первое в жизни путешествие по железной дороге. Где-то в далеком тумане лежал неизведанный, огромный и чужой Петербург...

II

Глубокой осенью 1901 года Василий Дегтярев выгрузился из эшелона на Николаевском вокзале и впервые увидел северную столицу.

Царская Россия встречала двадцатый век, уверенная в своем военном могуществе. Между тем оснований для этой уверенности было немного. В частности вооружение русской армии, несмотря на введение прекрасной трехлинейной винтовки, все еще отставало от других стран. Новая эпоха наступала в оружейном деле. На полях сражений все чаще и чаще беспорядочную трескотню ружейных залпов прорезала ровная машинная строчка пулемета. Но прославившихся своей бездарностью российских правителей мало беспокоило начавшееся развитие автоматике.

Должно было пройти целых семнадцать лет с момента изобретения Хирама Максима, чтобы в русской армии, наконец, в 1901 году были созданы первые пять пулеметных рот.

Офицерская стрелковая школа в Ораниенбауме, куда по счастью попал «нижнему чину» Дегтяреву, была, пожалуй, одним из редких, если не единственным в России местом, где можно было увидеть что-либо новое в области вооружения. Туда стремились люди, для которых прогресс русского оружия был кровным делом. Начальник опытного полигона Н. М. Филатов интересовался развитием стрелкового дела. Здесь испытывались новые конструкции. В мастерской полигона осуществлялись всевозможные опытные работы. Еще в первый год службы, когда Василий Дегтярев проходил обычную солдатскую муштру, стало известно, что этот тихий парень — незаменимый ружейный мастер. На него постепенно возложили весь ремонт оружия в роте, и он выполнял его со свойственной ему величайшей добросовестностью и усидчивостью. Но спустя год роте пришлось расстаться с ним. Дегтярев был переведен в опытную мастерскую.

Значительную часть помещения мастерской занимал небольшой стол для слесарей. Тут же находились три незатейливых станка. Этим исчерпывалось более чем скромное оборудование мастерской, ставшей прекрасной школой для

вдумчивого и жадного к знаниям слесаря. Он делал различные стрелковые пособия, приборы, станки для пристрелки оружия.

Много народу посещало полигон и мастерскую. Сюда приезжали офицеры, среди которых были образованные люди, знатоки оружейного дела. Приходили изобретатели. Все они нуждались в опытном мастере. И вскоре как-то само собой установилось, что с трудной и интересной работой посылали прежде всего к Дегтяреву. Знали, что он всегда рад взяться за любое сложное дело, и чем хитрее оно было, тем больше привлекало его. Он с азартом набрасывался на работу, которая давала пищу уму, развивала сообразительность. Он чинил револьверы, винтовки и охотничьи ружья. Офицеры, покупавшие новые автоматические пистолеты, только входившие тогда в моду, приносили их в мастерскую, и никто не мог быстрее и легче Дегтярева ориентироваться в их устройстве, разобрать, собрать и починить.

В это время Дегтярев узнал машины, которые теперь неразрывно связаны с его именем. Даже в среде военных немногие в России были тогда знакомы с пулеметами. Конструкции первых пулеметов были довольно несовершенными. Солдаты называли их «самоварами» и в шутку говорили, что они годны лишь на то, чтобы «пулями чай кипятить».

В Ораниенбаум первые два пулемета прибыли из-за границы незадолго до русско-японской войны. Надо было найти знающего человека, который мог бы их освоить. Повидимому, ни среди офицеров, ни среди инженеров такого человека не нашлось. Начальник полигона решил поручить это дело «нижнему чину» Дегтяреву. Он получил приказ осмотреть станковый пулемет Максима и ружье-пулемет Мадсена, ознакомиться с ними и обучить двенадцать унтер-офицеров и ефрейторов.

Рано утром Дегтярев поспешил в павильон, где были

выставлены оба пулемета. Новое оружие его крайне заинтересовало. Со свойственной ему решительностью он принялся разбирать пулеметы. Вскоре он прекрасно освоил их и позвал своих учеников. Прочитав им описание, переведенное с английского на русский язык, Дегтярев открыл занятия в первом пулеметном классе. Двенадцать инструкторов были подготовлены и посланы в армейские части, а Дегтярев получил новую группу, на этот раз оружейных мастеров, которых он обучил столь же успешно.

Первые пулеметы были капризными созданиями. У Максима часто ломались бойки, у Мадсена выходили из строя рычаги. Работы на полигоне то и дело останавливались. Запасных частей из-за границы не присылали. Дегтярев решил сам организовать их производство. Его не смущало, что предстояло примитивными средствами копировать работу лучших иностранных заводов. Не смущало и отсутствие подходящих материалов и инструмента. Для всех поделок в мастерской имелась одна марка простейшей стали, которую называли «пушечной». О том богатстве сталей, к которому теперь привыкли конструкторы, в те времена и помышлять нельзя было. Надо было возмещать все эти недостатки искусством своих рук, смекалкой и упорством. На это Дегтярев был горазд. Он просиживал дни, а иногда и ночи напролет, стараясь вручную сделать детали пулеметов не хуже машинных. Мерительный инструмент состоял из простеньких лекал и шаблончиков. И все же Дегтярев ухитрялся как-то доводить пулеметные части до необходимой точности.

Но что могли дать усилия Дегтярева и нескольких его подручных для огромной страны с многомиллионной армией, нуждавшейся в автоматическом оружии? Ведь не одной этой скромной мастерской должно было ограничиваться производство запасных частей для пулеметов.

Между тем это было так. Косность, которой отличалась политика правящих верхов царской России, нашла здесь свое яркое выражение. Русских солдат гнали на фронт в Манчжурию плохо вооруженными. К началу войны, в 1904 году, на Дальнем Востоке была всего одна пулеметная рота, да и та погибла в первом же бою под Тюренченом...

Жестокое поражение, понесенное в войне с Японией, казалось, несколько отрезвило командование русской армии. Стало понятно, что надо торопиться с введением пулеметов и других видов автоматического оружия. Но в России своих образцов не было. Бездарные руководители армии недоверчиво и свысока относились к русским инженерам и конструкторам, не веря, что они способны что-либо изобрести. О помощи талантливым самоучкам вроде Дегтярева, понятно, и речи не было. Таких людей просто не знали и не замечали, как бы способны они ни были.

По издавна заведенному порядку и на сей раз обратились за помощью к иностранцам.

Подобно стае воронов, чующих богатую добычу, начали слетаться в Петербург фабриканты и изобретатели оружия из разных стран. Известно, что подобные господа не особо разборчивы и деликатны в вопросе об отечестве и готовы продать свою продукцию куда угодно. Они «интернационалисты», когда дело касается валюты. Им все равно — американские доллары, английские фунты стерлингов или французские франки, лишь бы числом поболее. Учув жирный запах русских рублей, они устремились в Петербург.

За несколько лет Дегтярев перевидал в своей мастерской и на полигоне многих знаменитостей оружейного дела. Они привозили нарядные, тщательно отделанные образцы, были изысканно любезны, стараясь завоевать расположение даже солдат. Датчанин Мадсен, высокий,

пышущий здоровьем, прекрасно одетый господин, неизменно давал стрелкам по четвертному билету на-чай. Но от стараний солдат заказы на пулеметы, конечно, не зависели. Ружье-пулемет Мадсена не было принято. Пришлось уехать ни с чем и австрийцу Шварцлозе.

Лучше всех запомнился Дегтяреву Браунинг. Этого американца уже тогда знал весь мир, как изобретателя первоклассного автоматического пистолета. Не будучи ревнивым патриотом своей страны, он продал патент на пистолет в Бельгию. В Петербург он прибыл с образцом автоматической винтовки.

Четверо дюжих молодцов окружали американского изобретателя, когда он являлся на полигон. Это были буржуазные дельцы — типичные бизнесмены, представители фирмы, которая торговала автоматами. Один из них промышлял дровами до того, как решил вложить свои доллары в изобретение Браунинга. Они стерегли каждый его шаг, не спуская глаз с автомата. Но столь бережно охраняемый автомат не давал ожидаемых результатов. При испытательной стрельбе все время возникали неполадки. Раздраженный неудачей, Браунинг врывался в мастерскую, снимал пиджак и начинал разбирать и смазывать автомат. Четыре верных телохранителя окружали его, заслоня механизм от посторонних взоров. За взволнованными иностранцами, посмеиваясь, следил из угла мастерской слесарь Дегтярев. Он уже давно по-своему оценил особенности конструкции Браунинга, знал ее пороки и понимал, что это ружье будет забраковано.

Все больше горячились и нервничали американцы. Однажды, когда у них произошла серьезная поломка, они попросили в помощь слесаря. Дегтярев быстро разобрал механизм и, к удивлению иностранцев, привел его в действие. Затем он переделал неудачный штык, мешавший

движению ствола. Стрельбы продолжались, но так и не принесли успеха заморскому изобретателю.

Царским правительством затрачивались на такие опыты огромные средства. Иностранные изобретатели старались сплавить в Россию что похуже, что не могло иметь спроса в Западной Европе. И если это не было понятно господам из генерального штаба, то простые люди из народа, всем сердцем любившие свою родину, болевшие душой за ее неудачи, отдавали себе отчет в том, что необходимо русской армии.

Тульские слесари Дегтярев и Токарев, механик Роще-пей, капитан Федоров прониклись идеей создания своего, отечественного автоматического оружия. Но они были еще одиноки в своих стремлениях, не получали поддержки от военного начальства, увлекавшегося заграничными образцами.

Памятен случай с Федором Васильевичем Токаревым, который обратился за помощью к военному министру Поливанову. «Патриотически» настроенный министр рекомендовал изобретателю продать чертежи своей автоматической винтовки за границу для «доработки», которая русским людям якобы не под силу. А уж потом можно будет вновь купить ту же винтовку у иностранцев...

Надо было иметь много мужества и упорства, чтобы в таких тяжелых условиях вести борьбу за достижение намеченной цели. Напрягая все силы, Дегтярев, Токарев, Федоров и их товарищи самоотверженным трудом создавали русскую оружейную школу, которая выросла и окрепла после Великой Октябрьской социалистической революции и достигла пышного расцвета в годы сталинских пятилеток.

III

Владимир Григорьевич Федоров — один из старейших представителей нашей оружейной школы. Окончив курс

Артиллерийской академии, он в 1900 году поступил в оружейный отдел Артиллерийского комитета. Здесь ему пришлось работать бок о бок со старыми генералами, представлявшими чуть ли не вековую историю русской армии. Рядом с людьми, служившими еще во времена кремневого оружия, заседали участники перевооружения армии винтовками, в частности изобретатель С. И. Мосин. Федоров был здесь самым молодым, и его тяготил консерватизм, царивший в комитете. Любое усовершенствование оружия, даже мелкое, вводилось годами. Видя, что наступает время автоматике, Федоров все свободное время отдавал теоретической и практической разработке этой проблемы. Его перу принадлежит первый в России курс «Основания устройства автоматического оружия».

В начале 1906 года он внес проект переделки трехлинейной винтовки в автомат. Изобретателю удалось добиться ассигнования пятисот рублей для опытных работ. Федоров явился в Ораниенбаум к начальнику полигона с просьбой дать лучшего слесаря для изготовления первого образца автоматической винтовки. Начальник полигона привел его в мастерскую и познакомил с Василием Алексеевичем Дегтяревым. Так зародилась между этими людьми замечательная дружба, которая длится уже более тридцати лет.

С первых дней совместной работы Федоров увидел, что перед ним не заурядный слесарь, а человек с широким размахом мысли, смелый новатор, чей удел — не исполнение чужих замыслов, а самостоятельное творчество. Федоров мог бывать в Ораниенбауме не чаще двух раз в неделю. Но это не задерживало работы, так как Василий Алексеевич прекрасно справлялся с заданиями. Если нужны были изменения, он смело вносил их, помогая конструктору лучше выразить свою мысль.

Когда образец был готов, приступили к опытной стрельбе. Увы! Автомат не работал. Силы пороховых газов не хватало, чтобы привести его в действие. Винтовку выносили на полигон, пробовали стрелять, и если опять что-нибудь не ладилось, друзья усаживались в стороне и терпеливо перебирали всю конструкцию, стараясь обнаружить свои ошибки. Потом Федоров уезжал, а Дегтярев вновь принимался за дело.

Известно, что изобретательство требует не только таланта, но и чрезвычайной усидчивости и терпения. Долгие годы приходится работать иногда для того, чтобы осуществить даже самую правильную и ясную идею. А проблема автоматического оружия в те годы была еще плохо разработана и содержала слишком много непонятных, загадочных вопросов. Без литературы, без хороших образцов, иногда ощупью прокладывали себе путь первые русские мастера этого дела.

Федоров всегда с теплым чувством благодарности относился к своему помощнику, считая его равноправным участником всех трудов. Эта дружба гвардейского капитана с простым слесарем могла казаться необычайной на фоне порядков царской России. Но в основе творческого содружества Федорова и Дегтярева лежала преданность общему делу, глубокое чувство любви к родине, страсть к новаторству, объединявшая изобретателей. Слесарь помогал конструктору, и оба учились друг у друга.

В те годы Дегтярев предложил свои первые изобретения в военном деле. Он разработал падающие мишени для учебной стрельбы, занял первое место в конкурсе на лучшую принадлежность к трехлинейной винтовке. Однажды вечером Дегтярева вызвал к себе на квартиру мастер.

— Вот что, Василий Алексеевич, есть секретное дело, можно поручить только тебе...

Этим секретным делом была разработка ружейного патрона новой формы с остроконечной пулей. Подобные пули уже были приняты во многих армиях. Они давали большие преимущества при стрельбе, повышая дальность и меткость.

Создание нового патрона было серьезной научной задачей. Решалась она нелегко. Ученые вели сложные вычисления, отыскивая наивыгоднейшую кривизну боковой поверхности пули, определяя ее вес, нагрузку и прочие особенности. Нужно было обладать большим искусством, чтобы воплотить все эти цифры в металл. Это была тонкая, художественная токарная работа, и Дегтярев, крайне заинтересованный, охотно взялся за нее.

Ему впервые пришлось привыкать к точнейшим чертежам, научиться читать их. По внешнему виду современная пуля кажется весьма простым предметом. Но сколько трудов вложено в этот простой предмет, сколько опытов и вычислений пришлось выполнить, пока не найдены были форма и вес пули, пока она не стала отвечать всем требованиям! Разработка остроконечной пули была закончена в 1908 году, когда Дегтярева перевели на Сестрорецкий оружейный завод.

На заводе Дегтярев продолжал работать над автоматической винтовкой Федорова. После долгих опытов были заказаны, наконец, сто пятьдесят экземпляров для вооружения роты. Испытание первой русской автоматической винтовки близилось к концу. Одновременно с Федоровым и Дегтяревым над автоматическими винтовками работали Токарев и Рощепей. Казалось, что на сей раз Россия уже не отстанет от европейских государств, что уже близко перевооружение армий новым типом скорострельного оружия.

Но грянул август 1914 года. Огненные линии фронтов рассекли на части Европу. Миллионные армии вступили

в войну, имея в руках старое оружие — магазинную винтовку и станковый пулемет.

Империалистическая война значительно изменила вооружение армий. Воюющие страны неустанно соревновались в усовершенствовании боевой техники. Бурным темпом развивалась авиация, загрохотали танки на полях сражения. Понадобились, с одной стороны, средства для вооружения танков и авиации и, с другой стороны, средства для борьбы с этими новыми орудиями войны. Возросла огневая мощь пехоты. Помимо огромного числа станковых пулеметов появились ручные и ружейные гранаты, минометы, бомбометы, автоматические винтовки, ручные пулеметы, пистолеты-пулеметы.

Но в России не заботились об усовершенствовании вооружения. Все опытные работы были прекращены, конструкторы отправлены на фронт.

Между тем армия лежала в окопах, не имея достаточно оружия и боеприпасов. Весной 1915 года во многих батареях приходилось по два снаряда в день на орудие. Военные с горечью шутили, что снарядов хватает разве лишь для того, чтобы приветствовать восход и заход солнца. Федоров, получивший к тому времени чин генерала, долгое время пробыл в Японии, закупая там винтовки. Потом его послали в Англию и Францию, где надеялись получить помощь. С грустью видел Федоров, сколь велика разница в снабжении армий на западном фронте и в России, брошенной «союзниками» беззащитной под огонь врага. Казалось, что теперь, как никогда, надо ускорить работы по созданию своего автоматического оружия. Но... Токарев был на фронте, а Дегтярев, оставшийся на заводе, вынужден был бросить работу над автоматом. Директор завода генерал Залюбовский категорически заявил:

— Сейчас не время изобретать...

Этой репликой он, сам того не подозревая, дал меткую,

убийственную характеристику царскому строю, доживавшему последние годы.

Летом 1915 года Дегтяреву было приказано возобновить работы над винтовкой Федорова, а в 1916 году рота, оснащенная ею, отправилась на фронт. Но не этим, конечно, можно было восполнить зияющие пробелы в вооружении армии. Если в начале войны Россия, правда с большим трудом, еще тянулась в области вооружения за передовыми странами Европы, то к 1917 году она вновь оказалась отброшенной далеко назад.

* * *

На Сестрорецком заводе, в слесарной мастерской, Дегтярев впервые познакомился с большевиками. Несмотря на конспирацию, многие рабочие знали их. Это были честные, хорошие, отзывчивые товарищи. Их любили и берегли.

Большевики устраивали подпольные маевки в лесу под Сестрорецком. Василий Алексеевич помнит, как во время маевки на рабочих напали стражники и пришлось бежать, спасая красный флаг. К одному из товарищей, жившему на станции Разлив, часто съезжались рабочие. Как-то в воскресенье побывал там и Дегтярев. В сарае собралось несколько человек и вели долгую интересную беседу о жизни и борьбе рабочего класса. Это было уже накануне 1917 года.

В феврале рабочий класс в союзе с миллионами крестьян выступил застрельщиком буржуазно-демократической революции. Народ одержал победу над самодержавием, ниспровергнул ненавистный царизм. Начались дни, ускорившие бег времени, повернувшие жизнь на новый лад.

В один из апрельских вечеров многие сестрорецкие рабочие, вооружившись винтовками, отправились в Бело-

остров. На перроне пограничной станции собралось много народа. Поезд, шедший из Финляндии, остановился, и все увидели на площадке вагона Владимира Ильича. Прокатилось «ура». Вдоль перрона стояли вооруженные сестрорецкие рабочие, охраняя Ильича. Радостно встречали своего великого вождя трудящиеся массы России.

IV

Железнодорожная теплушка, неотличимая от десятков и сотен тысяч обычных товарных вагонов, стояла на одном из запасных путей Николаевского вокзала, затерянная в бесконечных составах, забивших дорогу. В вагон погрузили сундуки и всякий домашний скарб. Затеплилась железная печурка. Долго таскали теплушку по стрелкам с одной линии на другую, пока она не очутилась в длинном ряду вагонов, готовых к отправке на Москву. Внутри было не слишком сухо и уютно. На гряде узлов сидели взрослые и дети, ожидая, когда начнется путешествие. Здесь были две семьи — слесаря Дегтярева и бывшего генерала царской армии Федорова, собравшиеся в далекий путь.

Трудное время переживала Советская страна в первые месяцы после Великой Октябрьской социалистической революции. Нашу родину со всех сторон окружали враги, пытавшиеся задушить пролетарскую диктатуру. Насущным вопросом дня было создание регулярной вооруженной силы. Ленин и Сталин готовили декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Требовалось оружие. Надо было пустить заводы полным ходом, наладить производство боеприпасов.

Отражая яростные атаки врагов на фронте и в тылу, большевики разрешали эту труднейшую задачу. Старое чиновничество, подстрекаемое меньшевиками и эсерами, организовало саботаж. Но среди русской интеллигенции

нашлось немало людей, которые в эти тяжелые дни безоговорочно пришли на помощь Советской власти. В числе их был и Федоров. В начале 1918 года он оставил Артиллерийское управление и поехал вместе с Дегтяревым в другой город, чтобы организовать производство автоматических винтовок для Красной Армии.

Много дней двигался вагон, подолгу простаивая в тупиках и на полустанках, пока его, наконец, не отцепили на захолустной станции у маленького провинциального городка. Вблизи железнодорожных путей виднелись недостроенные кирпичные корпуса, лежали нераспакованные ящики со станками и оборудованием. Здесь предстояло возникнуть новому заводу, который стал родиной советского автоматического оружия. Но пока не было ни завода, ни людей, ни средств. То, что предстало глазам Дегтярева и Федорова, было мало утешительно.

Незадолго до революции царское правительство, спохватившись, решило начать производство ручных пулеметов. Но в России не было ни одной готовой своей системы. Пришлось вновь расплачиваться за отсталость и пренебрежение к работе конструкторов. Начались обычные поиски за границей. Датская компания Мадсен изъявила согласие за солидную мзду выстроить в России завод и наладить выпуск ружей-пулеметов. Получив крупный аванс, датчане успели возвести только один маленький корпус. Весной 1918 года, когда на завод приехали Дегтярев и Федоров, там насчитывалось всего шестьдесят работников, но и их содержать было нечем. Директор при первом удобном случае сбежал в Данию. За ним последовали все иностранные специалисты. По просьбе рабочих директором был назначен Федоров, а Василий Алексеевич стал во главе мастерской опытных образцов.

Пока новые хозяева налаживали завод, брошенный концессионерами, гражданская война запылала на всех грани-

цах нашей страны. Советский народ поднялся для защиты своих завоеваний. Голод, нищета и разруха затрудняли эту гигантскую борьбу против наемных армий четырнадцати империалистических государств. Все, чего достигла военная техника за годы мировой войны, теперь посылалось в Россию и «испытывалось» на фронтах гражданской войны.

Что могла противопоставить этой технике Советская страна? Надо было во что бы то ни стало наладить выпуск автоматического оружия. Но выполнить эту задачу было трудно. Даже после национализации завода в 1919 году, когда страна сумела выделить для него кое-какие средства из своего скудного бюджета, производство все еще шло крайне медленно. Выпуск автоматов системы Федорова достиг к концу гражданской войны ста пятидесяти штук в месяц. Этого, конечно, было ничтожно мало в сравнении с гигантской потребностью фронтов.

Для производства автоматов Федорова под руководством Дегтярева сплотилась крепкая группа конструкторов.

С утра до вечера в опытной мастерской, где стояло всего восемь станков, можно было видеть уже седеющую голову Василия Алексеевича, склонившуюся над какой-нибудь деталью. Дегтярев обладает удивительной способностью вбирать знания. Неутомимая мысль новатора, человека, которому несвойственно застыть на месте, побуждала его к постоянному исканию.

Обстановка гражданской войны помогала ознакомиться с иностранными новинками. Изгоняемые из пределов нашей страны интервенты бросали огромные количества винтовок и пулеметов, которые немедленно пускались в дело. Часть трофейного имущества попадала на заводы для ремонта. Все мировые «короли» оружия были представлены на полях гражданской войны, и Дегтярев находил среди трофеев Красной Армии последние достижения заводов Англии, Франции, Германии, Америки.

Большие знания и опыт помогали ему чутко улавливать

новые течения, возникавшие в оружейном деле. Он изучал образцы оружия, знакомился не только с техникой, но и с тактическими требованиями, к которым оружие приспособлялось. Здесь проявился могучий талант рабочего-самоучки, сумевшего вникнуть в сложные вопросы и разобраться там, где нередко путались весьма просвещенные и высокопоставленные военные авторитеты того времени.

Никогда еще в вопросе о стрелковом оружии не царил такой путаницы, как после первой империалистической войны. Развитие авиации, танков, подводной войны, появление газов и все новых и новых видов боевой техники породили у известной части военных пренебрежительное отношение к пехоте и ее вооружению. Некоторым стало казаться, что пехота и ее главное оружие — винтовка — уже не будут играть серьезной роли в будущих войнах. Немало фантазировали на сей счет, высказывали множество противоречивых взглядов. Например, во Франции считали пехоту лишь «прислужгой при автоматическом оружии». Германский военный критик Риттер писал, что понятие об огневом превосходстве в стрелковом бою, как об основе атаки, само собой исчезло.

Василий Алексеевич не знал о спорах зарубежных военных теоретиков. Но из получаемых образцов оружия, из редких печатных материалов, попадавших на завод, он самостоятельно составил себе мнение о том, что требуется для Красной Армии. Империалистическая война вызвала к жизни новый тип оружия — ручной пулемет, во много раз усиливающий огонь пехоты. Дегтярев сразу оценил значение этого новшества. Он знал, что германские ручные пулеметы переделаны из станкового Максима. Ему приходилось встречать французские ручные пулеметы Шоша и английские — Льюиса. Он ясно представлял себе все достоинства этого нового вида оружия и недостатки, мешающие его лучшему использованию. Таким образом, бывший

тульский слесарь, критически осваивая передовой иностранный опыт, сумел подняться до уровня этого опыта и готовился вступить в соревнование с лучшими оружейниками мира.

На заводе все еще выпускались автоматы Федорова. Это было хорошее оружие, но оно не удовлетворяло уже ни своих конструкторов, ни Красную Армию. Автомат не давал пехоте того решающего перевеса в силе огня, который получался от применения пулемета. С другой стороны, хозяйство станкового пулемета Максима, с его двухпудовым станком, ящиками для лент, запасами воды, машинками для набивки лент и т. д., сложно и громоздко. Требовалось новое оружие, которое обеспечивало бы возможность вести интенсивный огонь именно в момент атаки.

Василий Алексеевич знал, что таким оружием может быть только ручной пулемет.

В начале двадцатых годов у него сложились определенные твердые взгляды, давшие толчок его работам над первым ручным пулеметом. Несколько лет спустя профессор Благонравов в своей книге «Основания проектирования автоматического оружия» писал, что «современная тактика ставит ручной пулемет в такие условия в смысле места его в бою, скорости движения и выполнения боевых задач, в каких находится и винтовка; поэтому, чтобы удовлетворить требованиям всюдупроходимости, отовсюдубойности, максимальной гибкости огня и сбережения сил стрелка и не стать в трудных случаях обузой для пехоты, вместо того, чтобы быть ее надежнейшим оружием, ручной пулемет должен обладать весом, в идеале приближающимся к весу винтовки».

Эти слова как нельзя лучше характеризуют принципы, которые Дегтярев положил в основу своей работы. Когда в 1923 году было решено все оружие для Красной Армии проектировать только под нормальный винтовочный пат-

рон, изобретатель окончательно понял, каким должен быть тип этого оружия.

V

Теперь Дегтярев имел все условия для творчества. За годы гражданской войны, несмотря на голод и разруху, на заводе окрепли кадры энтузиастов оружейного дела. Опытная мастерская превратилась в первое проектно-конструкторское бюро.

Сейчас трудно представить себе создание новых машин без конструкторских бюро. Но в те годы это было большой и радостной новостью после кустарщины, которая царила в дореволюционное время. Василий Алексеевич впервые получил возможность широко осуществлять свои замыслы. Инициатива изобретателя теперь не сковывалась никем и ничем. Наоборот, ему помогали инженеры, он имел опытных мастеров для выполнения сложнейших заданий.

Решающую роль в жизни Дегтярева сыграла беседа со славным командармом Михаилом Васильевичем Фрунзе. Гениальный полководец, воспитанный Лениным и Сталиным, он был глубоким теоретиком и практиком военного дела и отлично знал недостатки вооружения Красной Армии. Его не удовлетворяло оружие иностранных фирм, доставшееся нам в наследство от времен гражданской войны. Оно было сложно, дорого и, к тому же, изношено. В случае нового нападения империалистов на нашу страну это оружие не могло как следует послужить целям обороны. Фрунзе вызывал к себе конструкторов, инженеров, подолгу беседовал с ними.

Однажды, когда Василий Алексеевич приехал по делам в Москву, Михаил Васильевич пригласил и его к себе. Несколько смущаясь, Дегтярев вошел в кабинет Фрунзе. Михаил Васильевич встретил его ласково, усадил и начал расспрашивать о жизни, о работе. Вскоре разговор перешел

на тему, которая волновала обоих — славного полководца и изобретателя. Михаил Васильевич с досадой говорил, что вот, мол, до сих пор еще нет у Советской страны своего ручного пулемета, приходится попрежнему платить большие деньги иностранным фирмам, а продают они все равно дрянь.

— Неужели у нас не найдется своего мастера, который мог бы создать хорошую конструкцию? — спрашивал Фрунзе.

Василий Алексеевич слушал и в душе радовался. Это было именно то, о чем он сам думал.

— Ну вот, вы, товарищ Дегтярев, — старый тульский оружейник. Разве вы не должны первым взяться за это дело? — снова задал вопрос Фрунзе.

— Попробовать можно, постараюсь, — как всегда тихо и немногословно ответил Дегтярев и задумался.

Он знал, что эти слова ко многому его обязывают, но смело принимал ответственное поручение. Ведь устами Фрунзе говорила вся страна, вся Красная Армия, дававшая ему почетный заказ. Василий Алексеевич ясно отдавал себе отчет в том, что теперь настала пора не только соревноваться с лучшими конструкторами мира, но и обязательно превзойти их. Армия страны социализма должна быть вооружена лучше всех капиталистических армий. Дегтярев надеялся на свои силы и дал себе слово ни за что не отступить, довести до конца это трудное дело.

Фрунзе развивал перед изобретателем идеи, которые он хотел бы видеть воплощенными в новом ручном пулемете. Это должна быть легкая, компактная машина, очень простого устройства, надежная в бою, безотказная, метко поражающая врага. Объединить все эти качества в одной конструкции казалось почти невозможным делом, так как многие из них находились в явном противоречии друг с другом. Например, легкий вес пулемета вызывал дрожание при стрельбе и ухудшал меткость. Десятки конструкторо-

ров во всех странах бились над этими вопросами, и редкие достигали успеха.

Василию Алексеевичу казалось, что он уже нащупал верный путь. Но он подождет высказываться, пока не проверит всего на практике. Он обещал Фрунзе заняться ручным пулеметом, ни словом не обмолвившись о том, что у него в маленькой каморке при мастерской лежит уже приготовленный ствол с затвором — основа новой конструкции. Даже Владимир Григорьевич Федоров, ближайший друг Дегтярева, не знал об этой работе. Василий Алексеевич стеснялся рассказывать о ней раньше времени.

Вся зима 1923—1924 года ушла на работу над изобретением. Ни с кем не советуясь, руководясь только собственным чутьем, Василий Алексеевич решал коренные вопросы устройства своего пулемета. В самом деле, какой из существующих принципов выбрать, чтобы пулемет был наилучшим? Автомат Федорова имел подвижный ствол, отбрасываемый назад силой отдачи. Но это усложняло конструкцию и делало ее тяжелой.

Постепенно разобрав все достоинства и недостатки разных систем, Дегтярев остановился на единственно верном решении. Он сделает пулемет с неподвижным стволом, действующий на принципе отвода пороховых газов. Будущее показало, что этот выбор оказался наилучшим. Нужно было обладать блестящими познаниями в оружейном деле, чтобы самостоятельно притти к такому выводу. И здесь в полном объеме сказались незаурядные способности Дегтярева.

Итак, был сделан ствол, под ним устроена трубка с поршнем и пружиной. Ствол соединялся с трубкой маленьким отверстием. В момент выстрела пороховые газы, пройдя в это отверстие и ударив в поршень, должны были открыть соединенный с ним затвор. Впрочем, стоит ли описывать то, что теперь изучается молодежью в каждом стрелковом осоавиахимовском кружке? Ибо известная всем нам конструкция пулемета Дегтярева немногим отличается от той

модели, которую он в величайшем секрете делал шестнадцать лет назад.

Много трудов было затрачено на создание надежной системы запираания и сцепления. Эти важнейшие узлы, от которых зависит жизненность всего пулемета, были построены оригинально, по-дегтяревски. Плоский, легкий и прочный затвор ручного пулемета сделан очень остроумно. Его протота по сей день служит предметом удивления специалистов, отдающих дань уважения врожденной смекалке русского мастера. Лишь недавно пришлось видеть в солидном американском журнале разбор дегтяревского ручного пулемета, имеющего заслуженную славу лучшего образца в мире.

Но не будем забегать вперед. Тогда все это было еще в стадии опытов и изысканий. Почти все детали Василий Алексеевич делал сам, набрасывая простые эскизы и постепенно воплощая их в металл. К исходу зимы можно было приступить к первой проверке.

Был конец марта. На стрельбище еще лежал последний снег, но земля уже кое-где чернела проталинами. Дышалось легко, солнце щедро посылало свои лучи. Василий Алексеевич, щурясь от яркого света, устанавливал на станок свою модель. Это не был еще пулемет, а только скелет его — ствол, затвор и механизм автоматики. Даже спусковое приспособление пока не было сделано. Слегка волнуясь, он вложил патрон и спустил затвор. Раздался выстрел, и в ту же секунду затвор отлетел обратно, пустая гильза выскочила вон и упала на снег. Первая победа была одержана. Автомат работал. Вновь и вновь вкладывал Дегтярев патроны. И каждый раз вслед за выстрелом затвор неизменно, без задержки выбрасывал пустые гильзы. Ясно было, что это не случайная удача, а закономерность, оправдавшая все расчеты изобретателя.

Наконец-то можно было открыть секрет ближайшим друзьям, прежде всего, конечно, Владимиру Григорьевичу.

Федоров пришел на стрельбище и посмотрел, как работает новая конструкция Дегтярева. Да, это именно то, о чем можно было мечтать! Долгие годы работы над автоматами не прошли даром и принесли блестящий результат. Василий Алексеевич сумел воплотить в машине лучшие идеи, когда либо возникавшие у конструкторов, и дал им самостоятельное, изящное разрешение. Растроганный Федоров обнял и расцеловал своего друга, пожелав ему успеха.

С этого момента работа над ручным пулеметом Дегтярева стала основной задачей проектно-конструкторского бюро. Настойчиво изыскивались один за другим все элементы — спусковой механизм, прицел. Одной из самых сложных частей оказался магазин. Русский винтовочный патрон образца 1908 года, над которым когда-то трудился Дегтярев, требовал особого устройства магазина. После долгих поисков и проб появился всем известный дегтяревский «блин» — плоский круглый магазин, безотказно подающий патроны и обеспечивающий хороший темп стрельбы.

Каждая деталь нуждалась в многократной опытной проверке. Расстреливались сотни патронов, пока не устанавливался наилучший вариант. В кропотливой работе, испытывавшей, казалось, все терпение мастера, сказался упорный характер изобретателя, врожденная с детства страсть к оружейному делу. К этой профессиональной страсти прищивалось и своеобразное эстетическое чувство. Оно не удовлетворялось только изящной внешней формой или отделкой оружия, но требовало и оригинальности устройства, безукоризненности действия. Таковы элементы, вкладываемые Дегтяревым в понятие «красивое оружие». И он старался сделать свой пулемет «красивым», чтобы он удовлетворял самому взыскательному вкусу. Он знал, что строгий хозяин будет проверять продукцию — бойцы и командиры Красной Армии. И как художник, накладывающий мазок за мазком, дорабатывает картину, которая кажется непосвященному глазу давно законченной,

так и Дегтярев подолгу возился с деталями пулемета, устраняя какие-то одному ему понятные недочеты, чтобы сделать машину еще более совершенной.

В то время несколько изобретателей занималось проблемой ручного пулемета. Первые годы по окончании гражданской войны были заполнены попытками найти подходящую систему хотя бы путем переделок существующих станковых пулеметов в ручные. Это казалось очень заманчивым, так как облегчало быстрое развертывание производства. Для ручных пулеметов подошли бы стандартные детали от станкового Максима. Осуществляя эту мысль, ряд советских изобретателей представил опытные конструкции. Но все это были суррогаты ручного пулемета, которые могли существовать лишь временно, до появления настоящей оригинальной системы.

В опытной мастерской Дегтярева разрабатывались различные усовершенствования ко многим системам оружия. Были сделаны, между прочим, особые сошки для ручного пулемета, которые повышали меткость стрельбы. Осенью сошки испытывались в тире Реввоенсовета. Присутствовал товарищ Ворошилов. Он вышел во двор вместе с конструкторами, взялся за пулемет и начал стрелять. Когда посмотрели мишень, выяснилось, что кучность боя действительно улучшилась.

В этот день Дегтярев впервые доложил товарищу Ворошилову о том, что разработан ручной пулемет совершенно оригинальной конструкции.

— Надо посмотреть его,— сказал Климент Ефремович и отдал приказ в один из ближайших дней испытать на полигоне ручной пулемет Дегтярева.

Легко представить себе волнение, испытанное Василием Алексеевичем в памятное утро 6 октября 1924 года. Для перевозки в Москву пулемет был разобран на части и упакован в ящик. Самые нежные детали спрятали в отдельный мешочек, и никто в вагоне не знал, что ящик, на ко-

тором сидят два пожилых человека, содержит оружие новой конструкции.

Председателем комиссии по испытанию ручных пулеметов был Семен Михайлович Буденный. Он радушно встретил собравшихся на полигоне людей. В одну линию были установлены пулеметы, переделанные изобретателями Токаревым и Колесниковым из станкового максима. Пройдя стоял новый пулемет, ничем не похожий на все остальные. Легкая, изящная, близкая по внешнему виду к винтовке, конструкция Дегтярева возбуждала всеобщий интерес.

Повесили мишени. Перед стрельбой Семен Михайлович осмотрел все образцы.

— А это что за пулемет, как он называется?— спросил Буденный, подходя к Дегтяреву.

— Он еще не имеет названия,— ответил Василий Алексеевич, — и, к тому же, не пристрелян.

— Ну, это неважно, попробовать следует,— ответил Буденный, лег на землю и взялся за пулемет.

ДП заговорил. Первая пуля легла в стороне от цели. А затем твердая рука Семена Михайловича выпустила целую очередь прямо в яблоко мишени. Потом стреляли из пулеметов Токарева и Колесникова. Они тоже работали хорошо.

Но предстояло еще самое серьезное испытание — на живучесть. Много тысяч выстрелов должен выдержать при этом пулемет. Дегтярев сам лег на землю и открыл стрельбу. И вот здесь-то, в самый ответственный момент, пулемет неожиданно захлебнулся и умолк. Изобретатель открыл механизм, чтобы выяснить причину задержки. Увы! Это не была обычная задержка. Сломался боек. Дегтярев почувствовал, что его глаза наполняются слезами. Он знал, что неудача не является следствием плохой конструкции пулемета. Надо было сделать затвор из лучших материалов.

Семен Михайлович, желая утешить изобретателя, спо-

койно сказал, что надо поставить детали попрочнее и вновь испробовать пулемет.

— Все будет сделано, — сказал обрадованный Дегтярев. — Только разрешите еще одну просьбу. Нельзя ли после исправления увеличить норму испытаний пулемета? Я надеюсь, что он выдержит в два с половиной раза больше положенного числа выстрелов...

— Ну, в этом мы вам, конечно, не откажем, — сказал, усмехаясь, Буденный. — Желаю удачи...

Пока решено было принять на вооружение переделанный Ф. В. Токаревым пулемет Максима.

VI

В тяжелом настроении ехал домой Дегтярев после неудачного испытания. Ни на минуту не возникала у него мысль о непригодности пулемета. Нет! Он слишком хорошо знал устройство всех подобных машин и был уверен, что задача решена правильно. Но... надо же было сломаться этому несчастному бойку! И так не во-время. Впрочем, ничего. На ошибках учатся. Надо благодарить за хороший урок, полученный на полигоне. Снова со всей остротой почувствовал изобретатель все значение качественной оружейной стали. Хорошо продуманная конструкция смогла так оконфузиться из-за маленькой, пустяковой детали!

В то время Советская страна не сделала даже первых шагов в создании тех высоких марок сталей, которыми мы пользуемся сейчас. На месте Запорожского, Магнитогорского, Кузнецкого и других гигантов социалистической металлургии лежала пустынная степь, над которой гулял вольный ветер. Даже довоенный уровень производства не был достигнут. До первой сталинской пятилетки предстояло прожить еще четыре года. А Красная Армия не могла долго дожидаться ручного пулемета. Дегтярев снова взялся за работу, стал разыскивать куски подходящей стали. Он

делал сразу два пулемета, чтобы представить их к испытанию.

Где-то шли еще споры, кое-кто из военных специалистов утверждал, что ручной пулемет вовсе не так необходим, что это — «незаконнорожденное» оружие. И если его даже придется «усыновить», то достаточно ограничиться пулеметом, переделанным из станкового максима.

Все эти разговоры не влияли на работу изобретателя. Он трудился с прежней настойчивостью. Имелись сведения, что в самой Германии, где станковый пулемет Максима впервые был переделан в ручной, недовольны им. Этот «облегченный» пулемет был все еще слишком тяжел, чтобы служить ручным оружием. Он весил тридцать два фунта. В Германии разработали улучшенную новую систему ручного пулемета Дрейзе.

Все говорило о том, что останавливаться нельзя. И спустя два года Дегтярев доложил, что два новых пулемета готовы к испытанию.

Снова тот же полигон. Снова несколько пулеметов на линии огня. Рядом с двумя дегтяревскими машинами стояли новый экземпляр максима-Токарева № 2 и германский Дрейзе.

Собралась комиссия. Заработали пулеметы. Поле огласилось треском выстрелов. Началось главное испытание — на живучесть, которое в прошлый раз имело столь печальный для Дегтярева исход.

Пулеметы стреляли методически и ровно. Они смолкали только тогда, когда требовалось сменить пустой магазин. После каждого трехсот выпущенных пуль следовал короткий перерыв для охлаждения. Через шестьсот выстрелов смазывался патронник. И пулеметы продолжали стучать все в том же напряженном темпе.

Сейчас хорошо известны правила обращения с ручным пулеметом, установлено число выстрелов, которое он допускает за один прием, запрещены слишком длинные оче-

реди, механизм тщательно оберегается от пыли. При испытаниях делается как раз наоборот. Все правила грубо нарушаются.

Решено было проверить, как работает дегтяревский пулемет совсем без смазки. Сделали подряд 2 646 выстрелов. И ничего! Никаких задержек. Пулемет работал, как часы.

Тогда на механизмы вытряхнули пыльные мешки. Все детали покрылись темным налетом грязи. Пулемет трещал, не умолкая. Его, наконец, перестали останавливать для охлаждения. После 588 выстрелов, когда ствол сильно раскалился, машина все еще была в порядке. Срывов пуль не наблюдалось.

Так, всячески «истязая» пулеметы, подвергая их тяжелым испытаниям, было выпущено из каждого образца по двадцать тысяч выстрелов. Число задержек оказалось ничтожным — всего шесть десятых процента!

Пехотный пулемет Дегтярева — ДП — блестяще выдержал экзамен. Надо было переделать еще несколько мелких частей, улучшить и укрепить кое-что. Это отняло почти месяц. А потом опять выпустили по двадцати тысяч выстрелов. Задержек стало еще меньше. Практически можно было с ними уже не считаться.

В протоколах испытаний сказано, что на первое место вышел пулемет Дегтярева, второе место занял германский Дрейзе, и третье — переделанный Токаревым пулемет Максима. Советская страна больше не нуждалась в копировании иностранных механизмов. Своя система, рожденная творческим усилием русского изобретателя, оказалась лучше других. Работы Василия Алексеевича Дегтярева открыли новую эпоху в вооружении Красной Армии — эпоху полной независимости от заграницы. В. Ф. Токарев вскоре также дал замечательные образцы оружия.

20 февраля 1927 года были одобрены последние изменения, внесенные Василием Алексеевичем, и завод получил

заказ на опытную партию в сто ручных пулеметов. Славный ДП был принят на вооружение Красной Армии.

Замечательный подарок сделал своей родине знатный конструктор В. А. Дегтярев. Бойцы и командиры быстро оценили по достоинству и полюбили новый пулемет как прекрасное, незаменимое оружие. Понравилась простота его устройства, легкость разборки и сборки. Даже мало подготовленный боец осваивал новый пулемет скорее, чем трехлинейную винтовку. Пулемет разбирается в три приема. Благодаря малому дрожанию хорошо уравновешенной системы пули метко поражают цель. Что же касается веса, то здесь Дегтярев сумел догнать самые легкие иностранные образцы.

Таким образом, появление системы Дегтярева выдвинуло Красную Армию на передовое место в мире по стрелковому вооружению. Имея в руках подобное оружие, можно было встретиться с любым противником.

На заводе полным ходом шло освоение нового производства; налаживался массовый выпуск пехотного ручного пулемета. А в проектно-конструкторском бюро кипела своя жизнь. Василий Алексеевич, в окружении учеников и помощников, работал над новыми задачами, которые ставила перед ним страна. Надо было вооружить не только пехоту, но и авиацию, танковые части, морской флот. Мысли, одна интереснее другой, возникали у конструктора, быстро воплощаясь в жизнь.

Весь 1927 год Дегтярев посвятил разработке авиационного пулемета. Это было насущным делом, ибо бывший на вооружении английский турельный пулемет Льюиса не удовлетворял наших летчиков.

Дегтяреву пришлось детально ознакомиться с условиями работы авиации. Он выяснил, как должен действовать пулемет, чтобы воздушный стрелок мог его полностью использовать в те короткие мгновения, когда в прицеле появляется вражеский самолет. При нынешних скоростях

полета это время исчисляется долями секунды. Стало быть, за доли секунды надо успеть поразить врага, уничтожить его. При этом пулемет должен занимать минимум места, не стеснять ни летчика, ни наблюдателя.

На самолете каждый сантиметр дорог. Поэтому, приспособив механизм ДП для воздушной стрельбы, Дегтярев занялся переделкой магазина. Пехотный «блин» был слишком громоздок. Надо было поместить патроны в два яруса. Но это усложняло их путь, затрудняло работу пулемета. После долгих, настойчивых опытов трудности были преодолены. Новый магазин для пулемета сделан.

Затем всплыл еще один вопрос, неизвестный конструкторам пехотного оружия. Куда девать стреляные гильзы? Вылетая с силой из затвора, они попадали в кабину самолета и могли заклинить педали, тросы управления, став причиной потери управляемости или даже аварии в самый острый момент воздушного боя. Дегтярев начал делать мешок для улавливания пустых гильз.

Это приспособление, которое на первый взгляд может показаться весьма простым, причинило изобретателю массу хлопот. Как только начиналась стрельба и в мешок попадали первые гильзы, они начинали там подсакивать и заклинивали горловину мешка. Пулемет останавливался. Сколько вариантов ни перепробовали, — ничего не помогало. Все выглядело правильно до тех пор, пока не началась стрельба и в горловине мешка не застревал очередной патрон.

Подолгу сживал Василий Алексеевич, вычерчивая и мысленно проверяя путь патронов. Видимо, в момент стрельбы происходило нечто такое, что трудно предугадать и совершенно невозможно уловить глазом. Хотелось бы замедлить течение времени, рассмотреть подробно то, что совершается в ничтожные доли секунды. Возникла мысль использовать киноаппарат.

Через несколько дней на стрельбище появился киноопе-

ратор и стал прилаживать свой аппарат перед заряженным пулеметом. Машина заработала, посыпались гильзы. Аппарат бесстрастно и точно отмечал их сложный и своеобразный путь, разлагал на составные элементы каждое движение гильзы. С огромным интересом рассматривал потом Василий Алексеевич проявленную пленку. Причина задержки теперь была видна. Устранить ее не стоило больших трудов.

Авиационный пулемет был закончен и представлен в конце 1927 года Управлению военно-воздушных сил РККА. После испытания в марте 1928 года завод получил уже заказ на изготовление первой партии.

Теперь следовало приспособить пулемет для танка. Это отняло еще год. Надо было изучить особенности работы пулемета в новой обстановке, переделать ряд деталей, некоторые из них создать заново. Василий Алексеевич уже не был одинок в своем бюро. Он вырастил замечательных, талантливых помощников и радовался, сравнивая жизнь своих учеников с собственной молодостью. Как быстро даются им знания, как жадно они учатся и как хорошо применяют свои способности! Среди учеников Дегтярева в ту пору уже выделялись Г. Шпагин и С. Симонов.

Недавно Георгий Семенович Шпагин, выступая по радио, вспоминал о том, как он двадцать лет назад впервые встретился со своим учителем.

— Совсем юношей, — рассказывает т. Шпагин, — наделенный известной дозой деревенской робости, пришел я на завод. Меня назначили в мастерскую, которой заведывал т. Дегтярев. Сначала я его побаивался, так как Василий Алексеевич требовал исполнительности и высокого качества работы. Видя, что мне не всегда удается что-либо сделать, он запросто подходил ко мне, становился рядом и показывал, как нужно работать. Робость моя быстро прошла, и я очень скоро убедился, что в его лице я имею прекрасного старшего товарища и учителя. Работая рядом

с ним в течение двадцати лет, я изучил занимательное искусство оружейника. Благодаря тому что моим учителем был один из лучших оружейников страны, мне удалось сделать свой вклад в дело обороны родины. Партия и правительство отметили это, наградив меня одновременно с моим учителем орденом Красной Звезды.

Этой наградой я всецело обязан Василию Алексеевичу Дегтяреву, его вниманию, учебе и заботе. И лучшего учителя слесарного и пулеметного дела я, конечно, себе никогда не желал.

Одной из первых крупных работ т. Шпагина было приспособление дегтяревского пулемета для работы в танке. Молодой конструктор смело взялся за решение этой задачи. Он разработал выдвижной приклад и гнездное устройство с шаровой установкой. Благодаря этим приспособлениям можно устанавливать пулемет в танке в любом положении и с удобством вести меткую стрельбу. Танковый пулемет системы Дегтярева был принят на вооружение Красной Армии в 1929 году.

Легкие и изящные автоматы Дегтярева действовали отныне на суше, на море и в воздухе. Казалось, достигнуто все, о чем мог когда-то мечтать самоучка-изобретатель. Но Дегтярев никогда не считает свою работу законченной. Он неутомимо продолжает разрабатывать все новые и новые машины для Красной Армии. И какой радостью наполняется сердце каждый раз, когда, попадая на маневры или тактические учения, Василий Алексеевич видит стройные колонны бойцов, проходящих мимо него с грозными машинами на плече! И бойцы ласково встречают и приветствуют человека, имеющего столь «штатский» вид, но близкого и дорогого каждому военному.

Особенно волновало изобретателя внимательное и сердечное отношение товарища Ворошилова. Однажды после тактических учений Дегтярева пригласили на разбор. Затем состоялся ужин. Василий Алексеевич по своему обык-

новению уселся вдалеке и беседовал с кем-то из летчиков. Вдруг собеседник прервал разговор.

— Послушай, Василий Алексеевич, ведь о тебе речь идет...

На другом конце стола поднялся товарищ Ворошилов:

— Товарищи, за здоровье Дегтярева, который дал нам прекрасное оружие!

Смущенного всеобщим вниманием Василия Алексеевича пригласили к товарищу Ворошилову. Они под восторженные овации собравшихся подняли тост за новые успехи советского оружия.

На стрельбищах и полигонах год за годом испытывались конструкции Дегтярева. Любой вопрос, возникавший в среде военных специалистов, быстро находил у него практический отклик.

Танки одевались в новую, толстую броню. Нужен пулемет, который пробивал бы такую броню. Василий Алексеевич приезжает на очередной смотр оружия с новым пулеметом.

Опять знакомое, десятки раз виданное зрелище. На поле выстраиваются в чинном порядке разные пулеметы — советские и иностранные. Вместо мишеней — листы толстой танковой брони. Климент Ефремович осматривает выставленные образцы. Он быстро проходит мимо браунингов и прочих заморских гостей и останавливается перед последней моделью Дегтярева.

— Вот этот хорош, нашинский... Стрелять можно?

— Можно,— отвечает Дегтярев.

— А что у вас там, щит? Какой толщины? — спрашивает товарищ Ворошилов.

Ему докладывают о характере мишени, он берется за рукоятку пулемета и нажимает спуск. Очередь пуль пронизывает стальной лист. Он как бы прошит гигантской, небывалой иглой.

Комиссия долго и внимательно осматривает мишень.

Каждая попавшая пуля прошла насквозь, а с задней стороны отвалились лепешками большие куски металла. Даже крепкая, первоклассная сталь не устояла перед дегтяревской пулей.

И новая машина принята на вооружение.

Нет, кажется, такой отрасли стрелкового оружия, которой бы не интересовался Дегтярев, где бы не проявил свою богатую инициативу. Вот снова поднимается вопрос об автоматических винтовках. Устраивается несколько конкурсов. Василий Алексеевич представляет удачные конструкции. В иностранной литературе начинает появляться все больше сведений о новом типе оружия, — о пистолетах-пулеметах. Вокруг них разгораются споры, немногие понимают их значение. Но Дегтярев внимательно знакомится с типами пистолетов-пулеметов, разрабатываемыми в Европе и Америке. Он видит, что они появились уже в Германии, США, Италии, Швейцарии, Финляндии, Испании. Война в далекой Южной Америке между Боливией и Парагваем впервые показала ценность этого оружия при отражении атак на близких расстояниях, при действиях в лесистых местностях. Дегтярев все это взвесил, учел и не остался в долгу. Его работа над «недооцениваемым оружием» — пистолетом-пулеметом — оказалась столь же успешной, как и все предыдущие.

Так за последние тринадцать лет имя Дегтярева стало олицетворением прогресса в вооружении Красной Армии.

Советскому народу не раз приходилось с дегтяревским оружием в руках отражать нападение врагов. Поля Манчжурии в 1929 году, во время конфликта на Китайско-Восточной железной дороге, были первыми свидетелями того, что автоматы Дегтярева работают в боевой обстановке так же отчетливо и безотказно, как и при испытании в тирах или на полигонах.

В этом имели случай убедиться все, кто пытался в последующие годы «прощупать штыком» нашу родину. Им

пришлось испробовать на собственной шкуре разящее действие продукции Дегтярева, которой владеют мужественные красные воины, верные сыны советского народа. У озера Хасан бойцы шли на штурм сопки Заозерной, поливая японцев огненными струями из ручных пулеметов. Японо-манчжурские войска отседали пуль, выпущенных из дегтяревских пулеметов возле реки Халхин-Гол. И польским панам, бежавшим без оглядки от Красной Армии, осенью в 1939 г., вероятно, надолго запомнился характерный звук ДП, посылавших им вдогонку смертоносный ливень.

Со слезами радости на глазах встречало трудящееся население освобожденных районов героическую Красную Армию и, глядя на ее прекрасное вооружение, на новые пулеметы, танки, самолеты, люди с радостью говорили:

— Вот это техника! Вот это сила!...

Этими словами новые граждане нашей родины приветствовали вместе с армией-освободительницей и доблестного оружейника, чьи труды честно послужили великому делу избавления наших братьев от горькой капиталистической кабалы.

Высокие качества дегтяревского оружия проявили себя и в боях против финской белогвардейщины.

И как часто, задумавшись обо всем, что пережито за полвека работы, Василий Алексеевич начинает сравнивать настоящее с минувшим и думает: Нет, не пришло еще время нам, оружейникам, сменить свою специальность! Пока социалистическая страна окружена со всех сторон капиталистическим миром, надо неустанно помнить о завтрашнем дне. И стараться не быть застигнутыми врасплох, когда этот день нагрянет.

В свободные часы Дегтярев любит почитать из истории оружия, поразмыслить о том, что волнует военных специалистов. Какие сюрпризы может принести ближайшее будущее? Сольются ли в одну машину ручной и станковый

пулеметы? Как изменится облик винтовки? Не придет ли на смену ей карабин, воплощающий в себе свойства пулемета-пистолета? А крупнокалиберные противотанковые пулеметы? Не выродятся ли они в малокалиберную скорострельную пушку? Что будет с ружейным патроном? Обдумывая эти проблемы, Дегтярев знает, что у нас нет оснований опасаться за завтрашний день.

Славная культурная молодежь выросла за последние годы среди советских оружейников. Уже не единицами и не десятками определяется их число. Имена молодых конструкторов, наравне со стариками, составляют славу и гордость страны и Красной Армии. Шпитальный, Грабин, Иванов, Симонов, Комарицкий, Шпагин, Н. Токарев, — не перечислить даже кратко всех этих людей, воспитанных партией большевиков и другом оружейников товарищем Сталиным. Они дают армии замечательное, все более совершенное оружие. Теперь, — Василий Алексеевич знает это наверняка, — Советская страна никогда уже не будет позади. Он радуется, ощущая рядом с собой горячее дыхание молодежи, видя, как твердо и уверенно она шагает вместе с ним, впитывая многолетний опыт и лучшие традиции русских оружейников, чтобы нести их дальше вперед...

День Дегтярева полон напряженного творческого труда. Он привык чуть ли не первым являться на завод. Никогда в жизни он не запаздывал к началу работы. Ему не сидится в кабинете за столом. Чаще всего он стоит, склонившись у тисков, и мастерит очередную модель. Бумажное творчество ему не по душе. Придумав что-нибудь новое, набросав эскиз, он уже спешит к верстаку. Слесари и механики конструкторского бюро с полуслова понимают своего любимого начальника. Прежде чем бывает готов чертеж, они часто с его слов успевают сделать модель. Тогда начинается долгое и тщательное испытание.

Дегтярев учит своих помощников, что первым условием успеха является умение критиковать самих себя, искать

и находить свои ошибки. С суровой требовательностью относится он к своей работе. Беспокойная неудовлетворенность, составляющая неотъемлемую черту подлинного мастерства, в высшей степени присуща ему. И он с редкой прозорливостью и умением находит и развивает в других эту черту.

— На изобретателя выучиться нельзя,— часто говорит Дегтярев.— Надо иметь еще в себе эту жилку...

Обнаружив в ком-нибудь «эту жилку», Дегтярев заставляет людей работать, развивать свои способности, не застывать на месте. Он показывает собственным примером, что хоть «жилка» и обязательна, но без громадной, усидчивой работы она должных плодов не принесет...

Много хороших, счастливых часов хранит память Василия Алексеевича. Дважды его вызывали в Кремль для получения высоких наград. Дважды поздравлял его Михаил Иванович Калинин, вручая ордена Ленина и Красной Звезды.

Несколько лет назад, во время праздника в заводском клубе, где-то внутри здания неожиданно запел автомобильный рожок. На сцену по специальному помосту въехала машина, присланная в подарок товарищем Ворошиловым. Заводская молодежь хотела порадовать любимого Василия Алексеевича и в качестве сюрприза придумала такой способ вручения подарка.

Сквозь долгие годы своей жизни Дегтярев бережно пронес горячую любовь к природе. Как в далекие дни детства, когда он возился в саду, устраивая самодельный фонтан, Василий Алексеевич и сейчас стремится каждый свободный час проводить в лесу или на реке. По выходным дням он любит, забрав несколько человек из своей семьи, уехать на машине далеко за город. Разведя костер в живописном местечке, молодежь с увлечением слушает замечательные рассказы отца. Иногда, запустив мотор, он мчится на лодке по зеркальной глади реки. Потом, при-

став где-нибудь в кустах, подолгу блаженствует с дочкой, радуясь богатому улову.

Однажды в садике у Дегтярева собрались гости — приехавшие из столицы военные работники, друзья-оружейники. Зашел разговор о мечте.

— Вот вы, Василий Алексеевич, о чем больше всего мечтаете? — спросил кто-то из гостей.

Все выжидательно замолчали, глядя на хозяина. Дегтярев долго медлил с ответом и, сдержанно улыбаясь, поглаживал рукой лицо.

— Как вам объяснить... — начал он, наконец.

— Да понимаем, понимаем, Василий Алексеевич, — перебили его: — наверно нельзя сказать. Какое-нибудь новое секретное оружие...

— Ну, что вы, — усмехнулся Дегтярев. — И вовсе ничего секретного. Моя мечта о другом.

Он взял с тарелки маленькое яблоко и стал задумчиво вертеть его в руке.

— Кислые и неважные яблоки у нас родятся. Видите: яблони вроде как неживые, маленькие, искривленные. Хотелось бы вырастить мичуринские яблоки, да они здесь никак не принимаются. Сколько ни стараюсь, все не выходит. Такая вот мечта у меня, чтобы и в наших местах обязательно хорошие, сладкие яблоки росли...

Работа в саду — одна из лучших радостей Василия Алексеевича. Весной и летом он поднимается с зарей и выходит в сад. Там он проводит долгие часы, ухаживая за деревьями, носит ведрами воду, унавоживает землю, возится в теплице. Вдоволь поработав, он отправляется на завод, унося с собой теплый запах свежескопанной земли, и на целый день у него сохраняется особое, жизнерадостное настроение, создаваемое физическим трудом на свежем воздухе.

А какое веселье поднимается в доме, когда слетаются дети со всех концов советской земли. У Василия Алексе-

евича трое сыновей и шесть дочерей. Только двое школьников живут еще дома. Остальные работают, учатся в разных городах. Во время зимних и летних каникул в доме звенят, не умолкая, молодые голоса, масса смеха и шуток. Вот и зимой 1940 года опять собралось много молодежи. Приехали дочери-студентки из Ленинграда, сын из Москвы. Никто не говорил о приближавшемся событии, которое волновало семью. И меньше всего думал о нем сам виновник торжества. Василию Алексеевичу хотелось как-нибудь скрыть от окружающих надвигавшееся шестидесятилетие. Экое дело — прожито шестьдесят лет! С кем этого не случается? Глубоко личное событие. И он держал его в большом секрете.

По врожденной скромности и простоте Дегтяреву никогда не приходило в голову, что его «личный» юбилей может иметь какое-то значение за пределами семьи и близкого круга друзей. Лишь изредка среди множества повседневных дел и производственных забот мельком думалось о прожитых годах. Они вставали в памяти, десятилетие за десятилетием, и радость охватывала от сознания, что удалось много сделать, что не стыдно оглянуться на прошлое. В такие минуты он испытывал лишь огромное чувство благодарности к своей родине, к партии и правительству за предоставленную ему возможность творить и создавать на благо народа.

VII

Этот день, 3 января 1940 года, начался обычно. Медленный зимний рассвет не успел еще заглянуть в окна, как Василий Алексеевич сидел уже за столом со стаканом чая в руках. Он спешил. Мысли были заняты подробностями предстоящего рабочего дня. Старинные настенные часы, дребезжа, отсчитали шесть ударов. Дегтярев поднялся с места и включил радио. Свежий, молодой голос диктора читал утренний выпуск последних известий.

И вдруг стакан дрогнул в руке. Отставив в сторону чай, Василий Алексеевич встал.

— Послушай только, что он читает... Указ про меня...

Вера Васильевна вошла в комнату, и оба с волнением слушали, как из репродуктора звучали слова указа Президиума Верховного Совета СССР.

«За выдающиеся заслуги в деле изобретения и конструирования новых особо важных образцов вооружения Красной Армии присвоить тов. Василию Алексеевичу **Дегтяреву** звание **Героя Социалистического Труда** с вручением высшей награды СССР — **ордена Ленина** и выдачей денежной премии 50 тысяч рублей».

На некоторое время в комнате воцарилось молчание. Наконец, Василий Алексеевич тихо произнес:

— За что мне такая честь?..

Вера Васильевна не в силах была отвечать. Она вытирала с век непрошенные слезы и перебирала в мыслях долгие годы совместной жизни — Ораниенбаум, Сестрорецк, рождение детей, потом путешествие в теплушке, переезд в этот город, замечательное время, наступившее после голода и разрухи, и теперь вот, сегодняшний день...

Черные квадраты окон слегка посерели. Приближалось утро.

— Ну, мне пора, — сказал Василий Алексеевич.

В углу залился телефон. Звонил директор завода. Поздравлял.

— Василий Алексеевич, сегодня можете не приходите на работу.

— Спасибо, спасибо...

Телефон не умолкал. Теплые, дружеские слова неслись со всех концов города, из цехов завода, из конструкторского бюро.

Решительно невозможно было оставаться дома в это утро.

Василий Алексеевич оделся и пошел на завод. В мастерской его окружили ученики и друзья. К нему тянулись десятки рук, лица сияли радостью. Весь коллектив с гордостью переживал награждение Дегтярева.

Телефон звонил и здесь. Василия Алексеевича вызывали из Москвы. Опять из города. Отовсюду поздравляли, желали долгой счастливой жизни и плодотворной работы.

Нет, видимо, уж действительно не придется работать! Дегтярев вернулся домой. Здесь собрались дети, знакомые. Потом явился посыльный с телеграфа. Развернув бланк, Василий Алексеевич прочитал приветствие:

«Глубокоуважаемый Василий Алексеевич! — писал товарищ Ворошилов. — Бойцы и командиры высоко ценят Ваши огромные заслуги в деле совершенствования вооружений нашей славной Красной Армии.

В день Вашего шестидесятилетия желаю Вам счастья, постоянного здоровья, многих лет жизни и дальнейшей творческой деятельности на благо нашей Родины».

Посыльный являлся чуть ли не каждые полчаса. Телеграммы шли из разных мест. Героя поздравляли наркомы, инженеры, командиры и бойцы Красной Армии.

Вечером заехал секретарь горкома партии и позвал Дегтярева в клуб на торжественное собрание.

Огромный зал нового прекрасного заводского клуба еле вмещал всех собравшихся. Василий Алексеевич сидел в президиуме и с обычным смущением слушал приветственные речи. Выступали его ученики — люди, которые недавно еще неграмотными парнями пришли из деревни и с помощью Дегтярева выросли в конструкторов оружия. За несколько лет они прошли путь, который отнял когда-то десятилетия у самого Василия Алексеевича. Он думал: Какими словами можно отблагодарить за огромное вни-

мание, за оказанную честь? Председательствующий обернулся к Дегтяреву, чтобы предоставить ему слово. Но в этот момент кто-то подошел и позвал конструктора к телефону. Он вышел в соседнюю комнату и взял трубку.

— Товарищ Дегтярев? — услышал он.

— Да, это я.

— Здравствуйте! Говорит Сталин. Поздравляю вас с высокой наградой.

— Спасибо, товарищ Сталин. Большое спасибо. Очень благодарен... — ответил Дегтярев.

— Ну, за что вы благодарите меня? Ведь не я вас награждал, а правительство... Василий Алексеевич, приезжайте в Москву и приходите ко мне. Побеседуем подробнее...

— Обязательно приеду, Иосиф Виссарионович...

Сотни людей, сидевших в зале, с нетерпением ожидали окончания разговора. Откуда-то уже стало известно, что звонит товарищ Сталин.

И вот на трибуну опять поднялся Дегтярев. Долго не умолкали овации. Василий Алексеевич стоял, опершись рукой о стол, и от волнения не мог произнести первых слов. Наконец, он сказал:

— Спасибо вам... всем вам, товарищи... Спасибо за все. Мне, вот видите, трудно сейчас говорить, а сказать хочется. Вот что скажу: пока будет биться мое сердце, до последнего удара, всю жизнь я отдам вам, товарищу Сталину, нашему народу... Сейчас я разговаривал с Москвой. Мне звонил товарищ Сталин...

Снова пронеслась буря аплодисментов. Люди поднялись с мест, выражая свою радость, гордые честью, оказанной лучшему и старейшему из их товарищей.

— Иосиф Виссарионович сказал мне, — продолжал Дегтярев: — «Приезжайте в Москву, в гости ко мне. Обязательно приезжайте». И я поеду завтра утром.

— Передай привет от рабочих!
— За всех нас расцелуй его!
— Ура товарищу Сталину! — неслось со всех сторон
громадного зала.

— Завтра вечером я буду, вероятно, в Кремле, — закончил Василий Алексеевич. — Скажу вам по секрету, я тут кое-что сработал. Ну, в общем, одну вещь... Вот про нее расскажу товарищу Сталину. Доложу, что наш завод даст все, что надо для обороны родины, для победы на фронте...

Следующим утром мощный крытый автомобиль мчался по шоссе. Тепло укутанный шубой, в глубине машины сидел Василий Алексеевич. Он думал о предстоящей встрече с любимым и родным вождем, о том, что он, старый слесарь, скажет величайшему человеку современности. Вечерело. Машина незаметно промчалась мимо пригородов столицы, мелькнули знакомые улицы. И вот уже кремлевские ворота...

Первое, что увидел, войдя в комнату, Василий Алексеевич, было ласковое лицо товарища Сталина, который поднялся с места и шел навстречу изобретателю.

— Здравствуйте, поздравляю вас еще раз, — сказал Иосиф Виссарионович, обняв Дегтярева.

Василий Алексеевич огляделся вокруг и увидел, что в кабинете много народу. К нему подходили, улыбаясь, товарищи Молотов, Ворошилов. Дружески поздравили его руководители партии и правительства, народные комиссары.

Знатный оружейник рассказал любимому вождю трудящихся о своих творческих замыслах. Внимание товарища Сталина ободрило, вдохновляя для новых трудов, во славу советского оружия.

Это было в те дни, когда Красная Армия вела победоносную борьбу в Финляндии, обеспечивая безопасность и неприступность северо-западной границы страны и великого города Ленина.

И пуль дегтяревских
убийственный рой
могилу бандитам
взрывает и роет —
оружье,
которое сделал
Герой,
творит чудеса
в руках у героев.

(С. Кирсанов)

VIII

Когда Василию Алексеевичу Дегтяреву присвоили звание Героя Социалистического Труда, тысячи людей во всех концах страны восприняли это как свой праздник. Захотелось выразить свои чувства, пожелать знаменитому оружейнику здоровья и долгих лет успешной работы. Каждая почта приносит ему груды писем от знакомых и незнакомых людей — письма, отражающие сокровенные думы советских патриотов, их благодарность изобретателю, давшему своей стране лучшие в мире пулеметы. Многие корреспонденты, не зная адреса Дегтярева, обращаются в правительственные органы, редакции газет с просьбой передать их письма Герою Социалистического Труда.

Почти во всех письмах высказывается мечта — быть такими же, как Дегтярев. Об этом прекрасно написал курсант Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе т. Поляков:

«Ваша жизнь, дорогой Василий Алексеевич, — пример для нас. Нет ничего благороднее, как служить на благо народа, на благо процветания родины. Это — мечта моей жизни. И ваш пример, ваша работа указывает мне путь к цели, указывает, каким должен быть советский гражданин.

Живите еще много лет и работайте на благо народа. Пусть враги почувствуют на себе нашу технику, для которой вы сделали немало. Вместе со Сталиным — вперед, к строительству коммунизма!»

Много искреннего чувства и душевной теплоты в письмах, получаемых В. А. Дегтяревым. Эти письма обсуждаются и принимаются на общих собраниях бойцов и командиров. Они прибывают с западных границ и с Дальнего Востока, из разных военных округов. Во многих частях служат товарищи, которым посчастливилось работать под руководством знаменитого конструктора, учиться у него. Они вспоминают дни, проведенные на заводе, благодарят Дегтярева за науку.

Награда, заслуженная т. Дегтяревым, воспринимается среди советских оружейников как высокая оценка всей их работы, оценка, обязывающая ко многому каждого. «...Я горжусь,— пишет тов. А. Баканов,— тем, что мой отец работал на этом заводе почти двадцать лет. Мой брат и сестры сейчас работают на заводе, и я напишу им, чтобы они еще лучше и точнее изготавливали детали машин Дегтярева, ибо это делается для торжества коммунизма во всем мире. Под руководством партии и товарища Сталина мы этого добьемся».

Укрепление обороноспособности страны — кровное дело каждого честного советского гражданина. Вот почему сотни и тысячи людей рассматривают огромную работу В. А. Дегтярева как свое близкое, родное дело. Многим хочется поделиться со знатным изобретателем своими мыслями, внести предложения об усовершенствовании боевой техники.

Василий Алексеевич получает письма от изобретателей, рационализаторов. Не только из Красной Армии, но и от гражданского населения приходит поток писем, в которых среди взволнованных приветственных строк содержатся и конкретные предложения по производству оружия. Кто

предлагает способ увеличения скорострельности автомата, кто шлет совет о лучшем использовании энергии пороховых газов, об устройстве электрического автомата. Один студент делится опытом обработки сложных металлических поверхностей, полагая, что это может быть использовано при изготовлении оружия. Другой товарищ предлагает свой принцип автомата без патронов и т. д.

Если не все эти предложения выполнимы, а многие даже наивны, зато они пишутся искренне, от всей души. Они говорят о том, что сердца советских людей полны горячей любви к родине, готовности отдать все свои силы для ее победоносного продвижения вперед. Высоким патриотизмом дышит письмо, присланное из Ораниенбаума женой командира Красной Армии А. К.

«...Я совсем незнакомая вам женщина,— пишет она.— Простите, что к вам обращаюсь. Может быть, то, что я напишу, не заслуживает внимания. Но все равно: если вы надо мной посмеетесь, мне не так уж будет стыдно — вы намного старше меня.

Я слышала, что укрепления «линии Маннергейма» покрыты толстым слоем железобетона... (Далее следует предложение о некотором усовершенствовании авиабомб и артиллерийских снарядов). Василий Алексеевич! Вы всю свою жизнь отдали за увеличение мощи нашей Красной Армии, нашей родины. Вам не должно показаться смешным, что и простая советская женщина думает об этом же. Может быть, мое приспособление к бомбе не годится. Я хотела своим письмом направить вашу мысль на дальнейшее усовершенствование бомб, чтобы ни один грамм нашего взрывчатого вещества не пропал даром.

Простите за беспокойство. Я — жена командира, и мне хочется, чтобы мы победили скорее, с наименьшими затратами».

Так думали, так писали советские граждане в тылу

у Красной Армии в те дни, когда выполнялась историческая задача обеспечения безопасности Ленинграда.

И на передовых линиях, среди финских лесов и озер, героические части Красной Армии с энтузиазмом встретили весть о награждении всеми любимого конструктора пулеметов. Бойцы и командиры собирались группами, чтобы написать несколько слов приветия Герою Социалистического Труда В. А. Дегтяреву. Эти письма, составленные наспех, как бы овеянные запахом порохового дыма, говорят о высоком морально-политическом уровне наших бойцов и командиров, крепко уверенных в победе, воодушевленных великими задачами, поставленными перед ними товарищем Сталиным.

«Мы, бойцы и командиры,— говорится в одном из этих писем,— находясь в боях на передовой линии, с огромной радостью встретили сообщение о присвоении вам звания Героя Социалистического Труда. Мы заверяем вас, дорогой Василий Алексеевич, в том, что, овладев оружием, изобретенным вами, разим и будем разить врагов без пощады, как бы глубоко они ни прятались в своих дотах, которые они считают неприступными.

Задание партии и правительства по укреплению безопасности нашей границы выполним с честью. Громя врага, мы срываем кровавые планы провокаторов мировой войны. С именем Сталина на устах идем мы в бой и побеждаем.

Желаем вам многолетней и плодотворной работы для укрепления нашей РККА.

По поручению подразделения:

Лейтенанты Кузнецов, Кочанов,
младший лейтенант Рудаков.
Красноармейцы: Грачев, Лицигов,
Кольцов, Родионов».

Вот еще письмо, помеченное: «Карельский перешеек, река Тайпалеен Йоки». Бывший мастер завода А. Кашанов пишет своему учителю:

«Уважаемый Герой Социалистического Труда Василий Алексеевич Дегтярев! Посылаю вам свое поздравление из Красной Армии, действующей в Финляндии, борющейся за безопасность и спокойствие великого города Ленина. Я работал два года под вашим руководством, и закалка, которую вы мне дали, помогает мне оправдать доверие народа уже не на производстве, а с оружием в руках, на фронте.

Уверю вас, что скоро сможем отрапортовать о победе и вернемся на производство с той закалкой, которую получаем в рядах Красной Армии от нашего любимого наркома товарища Ворошилова».

* * *

Каждый день, возвращаясь домой, Василий Алексеевич вскрывает письма, идущие к нему со всех концов советской земли. Ему много приходилось работать в последнее время. С утра до позднего вечера он был на производстве, где, как и на всех оборонных заводах, ковалась победа Красной Армии. В короткие минуты отдыха он прочитывал эти листки, выражающие трогательную народную любовь. Она вдохновляет прославленного мастера оружия, зовет к новым исканиям, к творческому труду. Этот на-редкость скромный человек, который всю жизнь старается лишь незаметно и хорошо выполнять свои обязанности, полон одним стремлением — как можно лучше оправдать великое доверие народа и любимого Сталина. И он трудится не покладая рук, настойчиво и упорно.

В конце января 1940 года Василия Алексеевича вызвали в Москву. Здесь он узнал, что его приглашают на заседание ученого совета Артиллерийской ордена Ленина академии РККА им. Дзержинского. Кафедра стрелкового воору-

жения возбудила ходатайство о присуждении знаменитому оружейнику ученой степени доктора технических наук.

Это известие сильно взволновало Дегтярева.

— Я ведь человек неученый, — говорил он профессору Благонравову по пути в Академию. — Как же можно присваивать мне ученое звание?

Они вошли в зал заседаний и увидели витрины с двумя десятками образцов дегтяревского оружия.

— Вот ваши труды, — сказали ему. — Если они и не выполнены в письменном виде, то их научная ценность от этого несколько не меньше. Чтобы стать человеком науки, не обязательно только книги писать...

Герою Социалистического Труда Василию Алексеичу Дегтяреву была единогласно присуждена ученая степень доктора технических наук без защиты диссертации.

«Бывает и так, — говорил товарищ Сталин, — что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела».

Эти слова, сказанные на приеме в Кремле работников высшей школы, как нельзя лучше рисуют облик ученого-практика, оружейника Дегтярева, вышедшего из недр рабочего класса.

* * *

Раннее утро. Еще темно. По улицам идут группы людей, направляясь к заводским воротам. Стукнула калитка, открылся самодельный засов, похожий чем-то на ружейный затвор. Пожилой человек, одетый в темное пальто, валенки и теплую шапку, сливается с потоком рабочих. Через несколько минут в контрольную будку проходит Герой Социалистического Труда Василий Алексеич Дегтярев.

Проходит еще полчаса. Вдруг воздух раскаляется хлопками выстрелов. Началось испытание очередной конструкции. Над тихим городком звенит трель пулеметной очереди.

Занимается новый трудовой день.

Редактор
В. Г. ТИТОВА
Техн. редактор
Г. А. ЛУКАШКИН
Корректоры
М. М. БОГОЯВЛЕНСКАЯ
Л. С. АБРАМСОН

Сдано в производство 14.10.40
Подписано к печати 4.1.41

Формат бумаги $70 \times 108 \frac{1}{32}$
2 п. л. 2,7 уч.-авт. л.
Г9
Изд. № 804. Зак. № 677

1-я тип. Управления Воен. изд-ва НКО
имени С. К. Тимошенко
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит присылать
отзывы на эту книгу по адресу:
Москва, Орликов пер. 3, Воениздат.*